ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК РКП (б) ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и РКП (б)

НОВАЯ ЖИЗНЬ

ПЕРВАЯ ЛЕГАЛЬНАЯ С.-Д. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ГАЗЕТА

27 ОКТЯБРЯ — 3 ДЕКАБРЯ

1905 ГОДА

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
М. ОЛЬМИНСКОГО

И СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМИ СТАТЬЯМИ
Л. КРАСИНА, М. ЛИТВИНОВА,
ИС. ГУКОВСКОГО и Е. СМИТТЕН

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

№№ 1—7

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ"
ЛЕНИНГРАД — 1925

Ленинградский Гублит № 2059. Тираж 10.130 — 13 л. Заказ № 510.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 5.

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 6.

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 7.

Предисловие.

В настоящее издание входит социал-демократическая газета „Новая Жизнь“, издававшаяся в Петербурге (так назывался тогда Ленинград) в так называемые „дни свободы“, после октябрьской всеобщей забастовки, когда растерявшееся самодержавное правительство пошло на лицемерные уступки, возвещенные царским манифестом 30 (17) октября.

В короткие „дни свободы“ выходили: большевистская газета „Новая Жизнь“ и меньшевистская — „Начало“. Между обеими фракциями назревало об'единение, что нашло себе выражение в статье П. Румянцева „«Большинство» и «меньшинство»“ в № 1 „Новой Жизни“ и в отсутствии открытой полемики между обеими газетами.

После закрытия этих газет правительством, были попытки поставить газету под общей редакцией большевиков и меньшевиков: вышли „Северный Голос“, закрытый правительством на третьем номере, и „Наш Голос“, закрытый с первого же номера. Нужно заметить, что эти „об'единенные“ газеты носили довольно явственный меньшевистский оттенок, так как большевики были отвлечены конференцией, происходившей в Финляндии.

* * *

Газета „Новая Жизнь“ выходила с 9 ноября (27 октября по ст. стилю) по 16 декабря (3 декабря по ст. стилю) 1905 г. Всего вышло 28 номеров.

С 21 номера газета начала выходить под заголовком: „Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия“ и под лозунгом: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

Настоящее издание выходит со следующими изменениями старого текста:

1) На газете обозначались числа по старому стилю; в настоящем издании добавлен и новый стиль.

2) Во избежание повторений, полный текст заголовка перепечатывается только в № 1 газеты. Условия подписки и приема рукописей к напечатанию, плата за об'явления, адрес конторы и редакции и время приема в них — во всех остальных №№ опускаются. Также опускается об'явление о выходе газеты ежедневно, кроме послепраздничных дней.

3) Дата указывается только в заголовке газеты.

4) Извещение: „В этом № 6 страниц“, находящееся под заголовком 5, 6, 9, 11, 12, 19 и 26 №№ газеты, в настоящем издании не приводится.

5) Об'явление об открытии подписки на „Новую Жизнь“, перечень сотрудников газеты, адрес главной конторы и отделений, встречающиеся почти в каждом номере, сохраняются только в первом номере.

6) Список сотрудников „Новой Жизни“, приведенный в № 1, постепенно увеличивался. С № 5 начали печататься имена: А. Гальперин, О. Дымов, Л. Ландеберг, М. Лядов; из иностранцев: Г. Гроссман [1]), К. Каутский, К. Либкнехт, Р. Люксембург; № 6 — Поседов (Польша); № 10 — Юр. Каменев; № 12 — из иностранцев: Брак, Ж. Гед, Марсель Кашен, П. Лафарг; № 15 — из иностранцев: П. Луи, Рессель; № 18 — Алексинский, Алексеев, Волгин, Галерка, Линдов, Орловский, Рядовой, Самойлов.

С № 21 выбывает из списка сотрудников Л. Львов.

7) С № 18 об'явление о приеме подписки на „Новую Жизнь“ и перечень адресов старых и вновь открытых отделений, где принималась подписка, было дополнено:

„Подписка принимается с первого числа каждого месяца. На один месяц с пересылкой и доставкой за границу 1 р. 75 к. Наложенным платежем и в кредит газета не высылается. Отделения конторы и агентства: 1) Москва, дом Баженова, № 24, кв. 11; 2) Киев, д. М. Г. Виленского, Благовещенская, 30; 3) Одесса, у пом. прис. пов. Штильмана, Театральный, 15; 4) Харьков, у Александра Николаевича Грамматикова; 5) Рига, С. Файман, Мариинская, 18; 6) Вильна, Э. Голомб, Садовая, 7; 7) Казань, ред. „Волжского Листка“; 8) Лодзь, Дзельная, 7, представительство „Просвещение“; 9) Отделение в Екатеринославе, у Каплана, Упорная, 9.

За границей принимается подписка и продаются отдельные №№ в *Agence de la Presse Russe*: Париж, 11, *Avenue de l'Opéra*. Берлин, 101, *Friedrichstrasse*. Лондон, 77, *Lower Thames Street*. Е. С. Ницца, 13, *Promenade des Anglais*.

8) Об'явления о вечерах, концертах, спектаклях и лекциях в настоящее издание не вошли. Об'явления эти следующие: в № 4 — концерт в пользу семейств рабочих, пострадавших от забастовок; № 8 — спектакль в пользу рабочих, пострадавших от забастовок; № 12 — концерт в пользу семейств, пострадавших от забастовок; № 13 —

[1]) С 5-го по 11 номер включительно Г. Гроссман числится в списке иностранных сотрудников, а уже с № 12 — в списке русских сотрудников.

вечер в пользу политических амнистированных, устроенный комиссией по амнистии, избранной Союзом союзов и Обществом помощи политическим ссыльным и заключенным; № 19 — концерт в пользу семейств рабочих, пострадавших от забастовок; № 21 — спектакль в пользу освобожденных борцов за свободу; № 22 — концерт с благотворительной целью; № 23 — концерт в пользу пострадавших от стачек рабочих.

О лекциях: в № 6 — „О профессиональных рабочих союзах"; в № 17 — прис. пов. М. С. Маргулиеса „Тактика женщин в борьбе за достижение политического равноправия" (в пользу амнистированных); о серии лекций: „Общественно-политические течения и задачи современности, с точки зрения народно-социалистического направления" и о лекции В. М. Викторова: „Аграрная программа социал-демократии"; в № 26 — о первых двух лекциях проф. Рейснера (Реуса) „О политических партиях в Германии".

9) Одно и то же об'явление, напечатанное во многих номерах газеты под-ряд, в настоящем издании сохранено только в том № газеты, где оно впервые напечатано, а именно: в № 4 — о выходе газеты „Начало"; № 12 — от рабочих Товарищества механического производства обуви; № 13 — от Федеративного Совета Петерб. Комит. и Петерб. Группы Р.С.-Д.Р.П.; № 20 — о выходе газеты „Еврейский Рабочий"; № 21 — о выходе газеты „Борьба"; № 22 — от комиссии о безработных; № 27 — о созыве IV с'езда Р.С.-Д.Р.П.

10) Совсем опущены: биржевой отдел, об'явления коммерческого характера, об'явления о спросе и предложении труда.

11) Адрес типографии приводится только в № 1 газеты.

В оглавление вошли только названия статей и отделов. В конце издания будут приложены предметный и именной указатели *).

Всю работу по подготовке газеты для настоящего издания выполнила, под моим наблюдением, научная сотрудница Истпарта А. Казовская.

М. Ольминский.

*) Все ошибки, имевшиеся в подлиннике, за исключением орфографических и мелких опечаток, сохранены и в настоящем издании.

Ред.

Как возникла „Новая Жизнь".

Расстрелы 22 (9) января 1905 года послужили началом под'ема революционного движения по всей стране. Протесты студенчества и различных общественных организаций, увеличивающееся количество стачек рабочих, уличные демонстрации, столкновения с жандармами, полицией и войсками, террористические акты, отдельные попытки восстаний против помещиков и царских чиновников, — все это давало картину нарастающего всенародного „бунта". И всякому сколько-нибудь проницательному наблюдателю было ясно, что страна на всех парах идет к революции.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия, разумеется, также учитывала в лице обоих ее крыльев надвигающееся событие и проделывала болезненный, но необходимый и благодетельный процесс внутреннего преобразования, выразившийся в резком разделении двух крыльев — большевистского и меньшевистского.

Агитация Ленина за партийный с'езд нашла свое завершение в созыве в Лондоне третьего с'езда партии, который был первым с'ездом отделившейся от меньшевиков большевистской партии. На этом с'езде вполне ясно и отчетливо были формулированы основы большевистской тактики по всем главнейшим вопросам и, в частности, поставлен и разрешен вопрос о народном восстании, о временном революционном правительстве, — все вопросы, определявшие на много лет тактику большевистской партии и способствовавшие ее славной Октябрьской победе в 1917 году.

На третьем с'езде был избран Центральный Комитет и Центральный Орган Партии. Технически-организационное ядро Центрального Комитета было послано в Петербург для налаживания работы во всероссийском масштабе. Тов. Ленин, как редактор Центрального Органа, с другими товарищами-литераторами до поры до времени оставался в Женеве и руководил оттуда политической работой Центрального Комитета.

В Петербурге с лета 1905 года в качестве постоянного бюро Центрального Комитета пришлось работать пишущему эти строки (под кличкой „Никитич"), тт. П. П. Румянцеву и А. А. Богданову („Рядовому"). Все увеличивающийся под'ем общего возмущения против царского режима, в связи с выступлениями народных масс и все более и более смелыми выступлениями печати, поставил на очередь и для нашей Партии вопрос, если не о выходе из подполья (особыми иллюзиями на-счет „весны" большевики никогда не отличались), то, по крайней мере, о подготовке своей собственной легальной газеты, которая при первой к тому возможности, по крайней мере, могла бы осведомлять Партию о всех событиях, организовывать и об'единять силы и вовлекать в движение широкие массы.

Так как другие товарищи - цекисты, находившиеся на работе в самой России, были заняты постоянными раз'ездами или сидели в областных центрах, то вся подготовительная работа пала на нас троих.

К тому времени наша Партия имела уже довольно хорошо налаженные финансовые и технические связи, располагала довольно широким кругом сочувствующих в различных слоях общества и среди оппозиционной буржуазии, и, опираясь главным образом на эти связи, мы приступили к организации большой большевистской легальной газеты.

Ближайшими помощниками нашими в этом деле были А. М. Горький и М. Ф. Андреева, через посредство которых удалось связаться с рядом необходимых для предприятия лиц. Первая задача была в том, чтобы найти таких лиц, в распоряжении которых имелось разрешение на издание газеты. В то время получить такое разрешение было очень трудно, так как основным условием являлась „благонадежность". А чем благонадежнее был редактор, тем, конечно, труднее было склонить его на совместную с нами работу, тем труднее было обеспечить нашим собственным

партийным редакторам возможность сделаться действительными хозяевами и распорядителями газеты. Помимо идейных разногласий здесь играло роль еще и то весьма реальное обстоятельство, что за каждую резкую или неугодную цензуре статью и даже просто за „направление“ газеты ответственный ее редактор весьма легко мог очутиться в тюрьме или в ссылке без суда, распоряжением административной власти.

После долгих поисков и безуспешных попыток получить разрешение на имя какого-либо из наших товарищей или близких нам друзей из разночинской братии (адвокатов, врачей и т. д.), дававших нам явки и прибежище нашим нелегальным товарищам, мы наткнулись на литератора и поэта Н. М. Минского. Он имел разрешение на издание газеты и по своему умонастроению в то время был склонен пойти на такое довольно рискованное предприятие, как совместное издание газеты с весьма мало известной ему группой каких-то социал-демократов, рекомендованных ему Горьким. П. П. Румянцев, правда, пользовался некоторой известностью по своим работам в земской статистике, а А. А. Богданов уже тогда был известен в легальной печати как экономист.

С большим трудом, после ряда размолвок, грозивших сорвать все дело, удалось кое-как сколотить редакцию с привлечением А. М. Горького, Н. М. Минского, З. Венгеровой, Тэффи, Габриловича (Галича) и, с нашей стороны, Ленина, Воровского, Ольминского, Румянцева, Богданова и Красина. Компания получилась пестрая, — и когда теперь я смотрю на пожелтевшие листы „Новой Жизни“, где в числе сотрудников, на-ряду с Н. Лениным, Луначарским, Лядовым, Покровским, Ольминским, Гольденбергом, Каменевым, красуются не только имена отошедших от нас впоследствии в процессе дальнейшего развития революции, марксистов [1]), но и имена таких реакционеров и белогвардейцев, как Чириков или Бунин, трудно удержаться от улыбки перед этой своеобразной гримасой жизни. Как бы то ни было, господа Бунины, Бальмонты, Чириковы повинны в участии в первой большой легальной большевистской газете и таким образом внесли, сами того в то время не подозревая, свою лепту и в подготовку великого Октября.

К финансированию нами был привлечен известный в то время беллетрист Н. Гарин, который тогда сочувствовал нашей Партии и дал некоторые суммы на постановку газеты.

Организовать такую газету в то время — особенно если принять во внимание наши в общем жалкие средства — было не так-то просто. Типографии с ротационными машинами имелись лишь у богатых газет. Первое, о чем пришлось думать, это — о покупке собственной ротационной машины. При посредстве некоего комиссионера Гольдберга нам удалось найти подержанную ротационную машину фирмы Кениг, — и начало собственной типографии было этим заложено. Надо было думать, однако, и о том, как легализовать довольно значительную торговую и хозяйственную работу в связи с изданием газеты, тем более, что у нас в то же время были и другие издательские планы, вплоть до издания популярной литературы, листовок, а в известный момент — и просто прокламаций и воззваний. Решили создать особую издательскую фирму (товарищество) под названием „Дело“, причем в качестве ответственных пайщиков пришлось приглашать лиц, обладающих полной легальностью и известным „общественным“ положением, которые обеспечивали бы получение разрешения (требовалось разрешение и на это), и в то же время таких, которым не только можно было бы доверить деньги, но которые не были бы на нас в особой претензии, если бы довелось в связи с нашими изданиями и другими коммерческими начинаниями и посидеть немного в тюрьме.

Издательницей нашей газеты мы назначили М. Ф. Андрееву, а товарищество „Дело“ было организовано в составе М. И. Бруснева (отбывшего к тому времени 5 лет „Крестов“ и 8 лет ссылки в Верхоянске, основателя первых социал-демократических кружков в Петербурге), С. Б. Красиной-Лушниковой и М. И. Мухиной, владелицы меблированных комнат на Мойке, сочувствовавшей почему-то большевикам. На углу Фонтанки и Гороховой, в только что отстроившемся новом доме, мы наняли помещение для типографии и начали устанавливать машину.

Чтобы не задерживать печатания газеты, мы вошли в соглашение с типографией „Народная Польза“, в которой и напечатаны были все номера „Новой Жизни“.

Большую трудность представляло снабжение газеты бумагой при малом коммерческом опыте тогдашних партийных организаций и деятелей; кое-как удалось наладить получение бумаги в кредит, без чего молодая газета не могла встать на ноги. Такую же трудность представляла для нас тогда организация об'явлений, рассылка газеты по провинции и постановка розницы в самом Питере и в Москве.

Приготовление к изданию газеты, отыскание квартиры (на Невском 68, около Аничкова моста), организация редакции, установление связи с заграницей и с провинциальными корреспондентами, — все это требовало значительного времени. И мы не успели выпустить первого номера газеты, как уже грянула всеобщая забастовка, и революция 1905 г. официально была подтверждена царским манифестом.

18 октября народные массы Петербурга с красными флагами заполнили улицы и приветствовали свободу. Царское правительство, одной рукой вывешивая манифест о свободах, другой организует черносотенцев и хулиганов и высылает против толп, заполняющих улицы, войска и казаков. Трепов издает приказ не жалеть патронов. Об'является амнистия. Печать на некоторое время получает фактическую свободу. Центральный Комитет и местные комитеты нашей Партии используют положение, раз'ясняют массам непрочность дарованных царем свобод [1]), призывают использовать открывшиеся возможности для усиления агитации, пропаганды и организации народных масс и в первую очередь — рабочих. Раз'ясняют необходимость готовиться к вооруженной борьбе, создавать боевые дружины, заготовлять оружие, завязывать связи в войсках.

Можно себе представить, с какой лихорадочной поспешностью наша группа закончила предварительную работу, чтобы как можно скорее выпустить газету, необходимость которой стала в сто раз более настоятельной.

---

1) Как Румянцев или Богданов.

1) См. листок Ц.К. от 18 октября, приложенный к настоящему изданию.

Первый номер „Новой Жизни" появился в четверг, 9 ноября (27 октября по старому стилю). В редакцию, как сказано выше, кроме буржуазных литераторов, вошли со стороны нашей Партии товарищи: Ленин, Румянцев, Богданов, Красин.

Фактическое участие тов. Ленина в „Новой Жизни" началось еще до приезда его в Россию, но вплотную в работу он вошел только по приезде в Петербург.

Только те из старых товарищей, которые по своему собственному опыту знают, с какими огромными чисто техническими трудностями была связана нелегальная партийная работа в дореволюционное время, поймут, каким громадным приобретением для нашей Партии и для всего дела революции была эта первая большая, легальная партийная газета. Мы впервые получили возможность с широкой всенародной арены обращаться к рабочему классу и к крестьянам. Уже не в листках, передаваемых из рук в руки, не в истрепанных номерах заграничных газет, проникших конспиративно в Россию, а в ежедневных номерах столичной легальной газеты мы открыто могли давать массам лозунги, учить рабочих и крестьян организовываться, подготовлять дальнейшее сопротивление, готовиться к восстанию. Разумеется, всем нам было известно, что свобода печати не гарантирована ничем, и поэтому во всякий момент мы должны были опасаться дальнейших урезываний прав нашей газеты. Тем интенсивнее нужно было использовать те дни, во время которых газета фактически выходила без особых стеснений.

Владимир Ильич был главным редактором, и все политические директивы вырабатывались в первую очередь им. Он использовал газету и для непосредственной организации нашей Партии. Так, в № 13 газеты от 15 ноября находим его статью об организации Партии, где он с полной определенностью указывает те пути, которыми прошло развитие нашей Партии.

Отмечу здесь практическое значение „Новой Жизни" и ее редакции и контор, а также типографии, как центров, около которых группировалась партийная работа. В дореволюционное время нелегальному революционеру для того, чтобы получить возможность повидать своих товарищей в городе, куда он только что приехал, приходилось тратить часы и дни на хождение по явкам с паролями, с десятками всяких предосторожностей. С открытием контор и редакций газеты эти учреждения превратились в явочные пункты для всех товарищей, являвшихся в Питер по партийным делам. И в редакции и в конторе была, как говорится, „нетолченая труба" всякой партийной публики. Придя туда, вы могли видеть в уголку Надежду Константиновну Крупскую с ее неизменными записочками и бумажками, окруженную толпой приезжих, которые получали от нее адреса, справки, явки, указания и т. д. В других углах той же комнаты вы встречали товарищей с Кавказа, из Сибири, из Иваново-Вознесенского района, приехавших за литературой, за партийными директивами, привезших корреспонденцию или явившихся за получением шифра, материалов для провинциальных типографий и т. д.

В первое время после выхода газеты партийные явки в стенах ее контор действовали легально. По мере того, как революция шла на убыль, конечно, эта сторона деятельности газеты начала увядать. В интересах самосохранения, мы постепенно прекращали доступ широкой партийной публики в помещение газеты, подыскивая другие центры и в особенности широко используя создавшиеся к тому времени связи на фабриках и заводах.

Наша большевистская Партия с самого начала „свобод" не особенно увлекалась ими, и наступившая реакция не застала нас врасплох: мы не растеряли накопленных в подполье конспиративных навыков. Увлечение свободами, если и было, то разве только в области типографской. Мы не только устроили типографию для большой газеты и арендовали большую типографию на Ивановской улице, но и перевели на легальное положение знаменитую подпольную типографию из Баку. За это пришлось поплатиться, так как при арестах и разгроме всех революционных организаций нам пришлось лишиться довольно ценного имущества.

Л. Красин.

Страничка воспоминаний.

В начале ноября (по старому стилю — конце октября) 1905 года я неожиданно получил от Л. Б. Красина предложение заняться постановкой легальной социал-демократической газеты „Новая Жизнь". Незадолго перед этим я приехал из Риги в Петербург для подпольной работы. Проживал я там по паспорту инженера Людвига Вильгельмовича Ница, ибо к октябрьской амнистии я отнесся с большевистским недоверием. Не было также уверенности в том, что все мое прошлое покрывается амнистией, так как охранка обвиняла меня в насилии над часовым при побеге из киевской тюрьмы. Нелегальный подпольщик в роли фактического издателя большой ежедневной газеты — положение, не лишенное пикантности. В прошлом я имел отношение к подпольным печатным станкам, заведывал также экспедицией и типографией „Искры" в Женеве. Соблазнительно было приложить руку к делу постановки первого легального социал-демократического органа, и я предложение Красина принял. То же предложение было за несколько дней до этого сделано И. Э. Гуковскому; но дело у него как-то не клеилось, поэтому решено было его назначить секретарем редакции, а административно-издательскую часть поручить мне.

Хлопоты о даче разрешения на издание газеты потребовали бы слишком много времени, а поэтому решено было воспользоваться разрешением, имевшимся у поэта Минского, который, таким образом, должен был фигурировать в качестве ответственного редактора. Нужно было также легальное лицо в роли официального издателя газеты — и таковым была намечена М. Ф. Андреева. Финансовые заботы взял на себя М. Горький.

Я немедленно отправился в Москву для обсуждения ряда финансовых вопросов с Горьким, а также для получения доверенности от Андреевой. Вернувшись из Москвы 8 ноября (26 октября), я получил задание выпустить

первый номер газеты на следующий же день. Было заключено временное соглашение с типографией „Народная Польза" на Коломенской, помещение для конторы было снято на Невском, но ни мебели, ни штата служащих, ни экспедиции, ничего решительно не было подготовлено. Пришлось наскоро купить мебель, привлечь из районов основной кадр сотрудников, а экспедицию поручить партийному переплетчику Каплану, который, к сожалению, взялся за это дело, не справившись со своими силами и знаниями.

Фактическим первым редактором был назначен П. П. Румянцев, а заведующими отделами — внутренним, иностранным, хроники и т. д. — Б. Авилов, Л. Габрилович (Галич), В. Ксандров, К. Платонов, Тэффи и др. Администрация была составлена из Л. Б. Красина, Гуковского и меня.

Петербургскими рабочими и широкой публикой выход первого номера первой легальной социал-демократической газеты ожидался с нетерпением. Это нетерпение еще увеличилось, когда стало известно, что с первым номером будет разослано бесплатное приложение — программа Партии. С раннего утра контора на Невском стала осаждаться народом. Типография работала чрезвычайно медленно и за ночь успела выпустить всего около 15.000 экземпляров, которые были буквально вырваны из рук курьеров при доставке их в контору. Печатание пришлось продолжать в течение всего дня и экземпляры раздавать по мере поступления их в контору.

Об организации продажи газеты через разносчиков в этой суматохе не могло быть и речи, и рабочим из районов приходилось посылать на Невский своих уполномоченных для получения газеты. То же повторилось и в следующие дни. Типография оказалась не в состоянии удовлетворить спрос. Экспедиция не была еще налажена, и подписчики из провинции, за исключением Москвы, первых номеров газеты не получали. Подписка поступала в контору ежедневно тысячами. Почтовые переводы доставлялись корзинами. Из провинции посылались телеграфно горячие мольбы о высылке газеты. Не зная подписной цены, многие подписчики посылали сотни рублей по телеграфу, умоляя высылать газету по любой цене.

В конторе работала преимущественно партийная публика, с техникой газетного дела не знакомая, и коэффициент полезного действия был не очень высок. Больше всего приходилось страдать от неумелости экспедитора. Самому мне приходилось работать по 20, а иногда по 24 часа в сутки. В течение 10 дней удалось, однако, связаться с новой добавочной типографией, наладить аппарат экспедиции, привлекши к этому делу опытных людей, пересортировать сотрудников в конторе, уплотнив их приглашенными из других газет спецами, выработать договоры с артелями по разноске газет, зарегистрировать газету на почтамте, организовать сеть специальных разносчиков для рабочих районов и сдать в аренду газетные об'явления.

Аппарат продолжал еще некоторое время работать с перебоями. Выпуск газеты часто запаздывал к отходу почты вследствие того, что приходилось печатать в двух типографиях — наружный лист в одной, а внутренний в другой, — и вследствие того, что ни контора, ни экспедиция не могли справиться с все увеличивавшимся спросом на газету. Чинил препятствия и почтамт, вследствие чего на вокзалах днями оставались неотправленными тюки газеты. Жаловались подписчики, что почтовые чиновники и почтальоны вынимали газету из бандероли для собственного чтения.

В провинции составлялись кружки для коллективной выписки „Новой Жизни". Наживались спекулянты, доводившие цену отдельного номера в провинции до одного рубля и выше. Через месяц, однако, почти все дефекты были устранены, и аппарат стал работать настолько нормально, что, когда в Петербурге было созвано совещание всех администраторов ежедневных газет для выработки общих мер борьбы с почтамтом, полицейскими властями и спекулянтскими газетными артелями, я был выбран постоянным председателем этого совещания. Это означало известную дань уважения к постановке нашей газеты.

Оборотный капитал газеты составляли те 15.000 рублей, которые я получил вначале от М. Горького. Эта сумма ушла на первоначальное оборудование газеты, и в дальнейшем газета полностью окупалась подпиской и об'явлениями. Отдел об'явлений был сдан конторе Метцль, если не ошибаюсь, за 3 — 4 тысячи в месяц, при чем мы оставили за собой право на бесплатное печатание партийных об'явлений. Некоторую финансовую поддержку оказывали писатель Чириков и артистка Яворская ежедневными отчислениями от ставившейся последней пьесы Чирикова (кажется, „Евреи"). Такую же поддержку оказывала и Комиссаржевская. Но и без этой поддержки газета не только могла бы существовать, но и приносить Партии крупный доход, несмотря на сравнительно высокие оклады, которые получали буржуазные редактора и сотрудники газеты.

Газета вскоре стала центром партийной жизни в Петербурге. В конторе устраивались партийные совещания, собрания, свидания, явки и пр. Становилось тесновато, и пришлось выселить редакцию в другое помещение, снятое на Троицкой улице.

В контору часто приходили рабочие, крестьяне, обыватели с устными жалобами на притеснения начальства. Являлись чиновники, офицеры и даже полицейские — каяться и исповедываться в своих прошлых грехах и заверять в своих симпатиях к социал-демократии. Между прочим, о предполагавшемся окружении и задержании Петербургского Совета Рабочих Депутатов я получил с утра предупреждение лично от гвардейского офицера, явившегося в контору газеты.

Приезд в Петербург Ленина сразу внес большие изменения в составе редакции. Владимир Ильич не мог мириться с тем влиянием, которое пыталась проводить в газете группа Минского, пользуясь своим формальным правом собственности на газету. Владимир Ильич поставил вопрос ребром, и редакция целиком перешла в руки Ц. К. Владимир Ильич с тех пор принимал самое деятельное участие в газете, и частенько я видал его во втором и в третьем часу ночи в типографии, просматривающим последние корректуры своих статей.

После напечатания „Манифеста" (см. № 27 газеты) газета была закрыта. Распоряжение полиции было получено в типографии поздно ночью, и по соглашению с наборщиками и печатниками мы решили выпустить

последний номер, вопреки запрещению. Администрация типографии запротестовала, и ее пришлось заарестовать, заперев на всю ночь в одной из комнат типографии. Отпечатанный номер газеты был отправлен не в экспедицию, а непосредственно в районы через вызванных оттуда партийных работников. Утром полиция должна была констатировать успешное распространение запрещенного номера.

Контора на Невском продолжала еще работать некоторое время для ликвидации дел. Когда я явился раз в контору, швейцар шепнул мне на ухо, что меня желал видеть какой-то сыщик. На мой вопрос, что сыщику угодно от меня, швейцар ответил, что он хотел справиться, работают ли у нас в качестве сотрудников лица, отмеченные им в оставленной швейцару записке. Взглянув на записку, я прочитал свою настоящую фамилию, настоящую фамилию нелегальной сотрудницы „Мышь" (Лалаянц), а также фамилию моего секретаря, Е. Г. Смиттен. Охранке, повидимому, до самого конца не удалось расшифровать меня, и она собиралась у меня же справляться обо мне самом. Я решил не испытывать больше судьбу и, велев швейцару направить сыщика ко мне, если он явится, отправился в свой кабинет, собрал все необходимые бумаги и черным ходом вышел на улицу, чтобы больше в этом здании не появляться. Через несколько дней я покинул Петербург, получив от Ц. К. новое назначение. Из газет я потом узнал, что в конторе через несколько дней был произведен обыск, при чем было будто бы обнаружено оружие. Было возбуждено дело в суде против М. Ф. Андреевой, Гуковского и меня. Если не ошибаюсь, на суде фигурировали Андреева и Гуковский, а в отношении меня дело было отложено.

М. Литвинов.

Москва.
25 ноября 1924 г.

Из воспоминаний И. Э. Гуковского.

В Петербург я прибыл в сентябре 1905 г., когда всеобщее забастовочное движение уже началось. В это время предполагалось сделать попытку издавать легальную марксистскую газету. Разрешение на газету под названием „Новая Жизнь" уже было получено. Официальной издательницей числилась М. Ф. Андреева, а официальным редактором — поэт Минский. В редакцию, кроме Минского и связанных с ним Галича и Тэффи, в то время также изображавших из себя марксистов или марксиствующих, должны были войти П. П. Румянцев, А. А. Богданов (Малиновский) и Л. Б. Каменев; в качестве сотрудников предполагалось привлечь всех большевистских литераторов. Финансовой частью заведывал Л. Б. Красин, а мне было предложено занять место секретаря редакции, на что я охотно согласился. Пока шли переговоры, дела было немного: в виду все нараставшего революционного движения в Питере и во всей России, все были настолько заняты, что окончательное открытие газеты откладывалось со дня на день.

На 30 (17) октября в квартире Румянцева было назначено собрание большевистской части редакции. Я застал там только Богданова и его жену. Только около 11 часов вечера пришли все остальные и принесли с собой отпечатанный на мимеографе октябрьский манифест. Ни одна типография в тот день из-за забастовки не могла его отпечатать.

Насколько я помню, на этом собрании, кроме меня и Богданова, были Румянцев, Красин, Базаров и, кажется, Б. В. Авилов. Было решено принять самые срочные меры к возможно скорому выпуску газеты, а также был составлен от имени Ц. К. Партии листок к рабочим, призывавший их продолжать борьбу и предупреждавший, что манифест далеко еще не есть победа рабочего класса [1].

Мне было поручено заняться приисканием помещения и всего необходимого для скорейшего издания газеты. Пришлось с утра следующего дня экстренно заняться этим делом. 9 ноября (27 октября) вышел первый номер „Новой Жизни"; в виде приложения к номеру была дана программа Р.С.-Д.Р.П.

Типография наша была не особенно мощной, и газету приходилось печатать в течение целого дня. Тираж был 60—80 тысяч экземпляров. Больше типография не в состоянии была выпускать.

Газета должна была выходить ежедневно. Но благодаря систематическим преследованиям со стороны полиции и юстиции, ежедневно выпускать газету не удавалось. За время с 9 ноября по 16 декабря, когда газета была закрыта окончательно, удалось выпустить 28 номеров. Редкий номер газеты не давал повода к привлечению редактора к ответственности. Меня, в качестве официального секретаря редакции, вызывали к следователю по важнейшим делам, и между нами происходил диалог приблизительно следующего содержания. Следователь, предъявляя мне номер газеты, спрашивал, с целью ли распространения был выпущен этот номер. Я отвечал, конечно, утвердительно. „В каком количестве был распространен номер?" — спрашивал следователь. — „60—80 тысяч", — отвечал я. — „Кто автор такой-то статьи?" — Ответ: „Это тайна редакции". — „И вы не скажете?" — „Нет." — „Так что отвечает редактор?" — „Да". — Этим кончалось.

15 декабря газета была закрыта. Было решено попытаться издать новую газету, уже совместно с меньшевиками, так как одновременно было закрыто и „Начало". Издали газету „Северный Голос". Ее закрыли после третьего номера. Издали „Наш Голос", закрытый после первого номера. К этому времени Совет Рабочих Депутатов был разогнан. Президиум его арестован. Московское восстание подавлено. Реакция торжествовала по всей линии. Редакция рассыпалась, члены ее разъехались в разные стороны, а контора осталась для ликвидации всякого рода расчетов.

Ис. Гуковский.

[1] Очевидно, именно этот листок печатается в настоящем издании, помеченный 18 октября.

Из воспоминаний.

В „Новой Жизни“ я была помощницей заведующего конторой газеты. Заведывал же конторой и всей коммерческой стороной дела тов. Литвинов, именовавшийся тогда „Людовигом Вильгельмовичем“.

Не помню, каков был тираж газеты. Во всяком случае главный кадр подписчиков составляли рабочие. Были заводы, как петербургские, так и провинциальные, которые подписывались на несколько десятков экземпляров. Зачастую подписчики, преимущественно из рабочих, обращались в редакцию с трогательным выражением своей радости по поводу выхода в свет рабочей газеты. Обращались с просьбой об указании, „что читать рабочему“. Были и другие запросы. Вспоминаю случай присылки вместе с подписной суммой денег на „общее рабочее дело“. В редакции и в конторе газеты вечно толпился народ — преимущественно рабочие.

Е. Смиттен.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

18 октября 1905.

К русскому народу.

Граждане! Борющийся пролетариат России победил. Невиданная в истории забастовка миллионов рабочих остановила всю общественную жизнь страны, и самодержавие, расшатанное девятимесячною отчаянной борьбой революционного народа, признало себя побежденным. Царь пуль и нагаек, царь тюрем и виселиц, царь шпионов и палачей подписал манифест о конституции, о правах народа [1]).

Дорогою ценою, кровью и голодом революционного народа куплена эта победа. Пусть же, торжествуя победу, он сумеет правильно ее оценить, чтобы разумно воспользоваться ею.

Царь говорит о свободе, о правах граждан, об участии народа в управлении страной. Верить ли царю?

Нет! Исконный враг народа, побежденный его силою, не мог стать его другом. Лжи и лицемерия, уверток и ловушек полны обещания царя и его руководителя — министра Витте.

Народу необходимо народное правление. Оно должно быть установлено самим народом в его Учредительном Собрании, созванном на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайной подаче голосов. Что же дает царь?

В свою Государственную Думу — Думу помещиков, капиталистов и кулаков — он обещает „по мере возможности“ допустить выборных и от остального народа. Разве это то, что надо? Нет! Ясно, что это значит. Царь хочет сохранить большинство в Думе для своих друзей, он хочет, чтобы народ в ней был бессильным меньшинством.

Царь ссылается на краткость срока до созыва Думы: ему, будто бы, нет времени лучше ее переделать. Явная ложь! Гораздо скорее и легче устроить выборы со всенародным голосованием, чем с нелепым опросом и проверкой, у кого сколько земли и денег для выборного ценза, и с нелепым выбором от избирателей — уполномоченных, от них — выборщиков, от них — депутатов. Царь просто хочет иметь в Думе „по мере возможности“ меньше представителей от народа.

Этой Думе царь дает часть своей законодательной власти, ей поручает он надзор за чиновниками, она должна выработать новое избирательное право. Может ли народ верить, что эта Дума, где высшие классы — в боль-

---

[1]) *От редакции.* Приводим текст царского манифеста:

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ
мы, Николай вторый,
император и самодержец
Всероссийский
царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая,
и прочая, и прочая.

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях Империи нашей великой и тяжкой скорбью преисполняют сердце наше. Благо российского государя неразрывно с благом народным, и печаль народная — его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству державы нашей.

Великий обет царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев надлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, и охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, мы, для успешнейшего выполнения общих преднамечаемых нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли:

1) Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2) Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку,

и 3) установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира в родной земле.

Дан в Петергофе в 17 день октября, в лето от рождества Христова тысяча девятьсот пятое, царствования же нашего одиннадцатое.

На подлинном собственною его императорского величества рукою подписано:

„Николай“